

A man with a serious expression, wearing a dark leather trench coat over a suit and tie, walks towards the camera. He is in a desolate, war-torn urban environment. The street is covered in fallen autumn leaves and debris. In the background, there are damaged, multi-story buildings and a blue car parked on the left. The overall atmosphere is gritty and somber.

Владимир Харитонов

Необходимая самооборона

Владимир Харитонов

Необходимая самооборона

<https://litres.ru/74236663>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о азербайджанской семье, вынужденной переехать в Россию во времена, когда это было редкостью. Главный герой - смелый и достаточно сильный мальчик, который не сразу приобретает друзей, долгое время испытывает одиночество. Со временем становится довольно известным авторитетом в волжском городе, вступается за первого друга детства в России. Конфликт с земляками из-за русского друга, с которым давно не виделись, заканчивается роковым выстрелом. События реальны, имена героев вымышлены.

Владимир Харитонов

Необходимая самооборона

К дому Салмана Расулова, которому на днях исполнилось шесть лет, подбежал запыхавшийся Дахил. В руках он сжимал деревянный автомат — и потому его вопрос: «Пойдешь с нами играть в войну?» — звучал не как приглашение, а как боевой приказ. Он говорил на родном азербайджанском языке — так у мальчишек и было принято: чуть отойдут русские сверстники, и сразу звучит родная речь.

— А кто там будет?

— Сахил Азизов и Женька Чернов. А против нас — мальчишки с Ленинской улицы, — выпалил Дахил, едва переводя дух.

На улице было под тридцать градусов. Салман и так ждал друзей, чтобы уговорить их сбегать к речушке Аракс — её ещё звали Араз: одно русло, два имени, и оба одинаково привычные. Нырять с крутого, но невысокого берега в чистую прохладную воду в такую жару — редкое удовольствие. Только одного его родители не отпускали. Но любая стычка с мальчишками с соседней улицы была делом принципиальным, почти взрослым. И друзья, не тратя лишних слов, рва-

нули к месту встречи.

В те советские годы в азербайджанских посёлках дети не делили себя по национальностям. «Все люди — братья», — внушали им и в школе, и дома. И хотя русские ребята понемногу понимали азербайджанский, при них все старались говорить по-русски — так, с детства, проявляли уважение к великой стране. Не из страха, а из привычки быть вежливыми. Игра в войну у мальчишек во все времена на первом месте. Но, чтобы не мозолить глаза взрослым своим шумом, «боевые действия» всегда разворачивались за пределами посёлка. Лесов в Ишимлинском районе не водилось: лишь редкие островки деревьев — граб, бук, дуб — да густые кусты. Именно они и служили идеальными укрытиями для воюющих сторон.

Когда ребята добежали до берега Аракса, Сахил, Женька и противники с соседней улицы — Маджи, Абдул, Довлат и Сабит — уже стояли при полном вооружении. Пистолеты из доски вырезали редко: куда солиднее смотрелись автоматы и винтовки. Салман так торопился, что забыл прихватить свой автомат — тот самый, что смастерил отец, да так ловко, что и взрослый бы оценил. Расстроился он, правда, ненадолго: сломанная сухая ветка тут же превратилась в грозное оружие. Маджи и Женька, перемешивая русские и азербайджанские слова, спорили, кому сегодня воевать за советских солдат.

— Мы в прошлый раз играли за фашистов, сегодня ваша очередь, — настаивал Маджи.

— Я же русский, я не могу быть фашистом, — привёл свой главный аргумент Женька.

— Азербайджанцы тоже никогда фашистами не были, — резонно возразил Маджи.

Но азартный спор так и не перерос в драку. В поселковых мальчишеских коллективах кулачные бои случались крайне редко: тут работал неписанный принцип — держаться друг друга. Кинули жребий, и довольные «советские воины» рассыпались по кустам, а «фашисты» пошли в наступление. Пока бегали, палили деревянными стволами и кричали «Ура!», время незаметно подошло к полудню, а температура поднялась до сорока градусов. Самое время нырнуть в Аракс. Мальчишки прыгали прямо с берега, головой вниз, и вода, обжигающе прохладная, будто смывала с разгорячённых тел и пыль, и азарт недавней «войны». При этом азербайджанских мальчишек с детства приучали не обнажаться при посторонних — даже в бане.

Потому все купались в серо-синих «семейных» трусах: скромно, по правилам, но, ничуть не мешая себе радоваться воде.

Отец Асим часто напоминал Салману: «Ты должен знать

и всегда помнить место, где родился». Тогда эти слова казались мальчику чем-то вроде очередного родительского наставления — вроде «не беги через дорогу» или «ешь суп». Он кивал, но не особенно вникал. Лишь много позже, уже живя в России, Салман понял, что имел в виду отец. Малая родина навсегда осталась в его сердце. Видимо, родитель уже тогда предчувствовал переезд в соседнюю республику большого государства — и хотел, чтобы дети ни на миг не забывали, откуда идут их родовые корни.

Салман хорошо помнил, как зимними вечерами отец собирал детей вокруг себя и заставлял слушать, что написано о родных местах в старой, до дыр затёртой энциклопедии, что хранилась в доме Расуловых испокон веков.

— Мы живём в Ишимлинском районе, — говорил отец, водя пальцем по строчкам, словно закрепляя каждое слово в памяти сыновей. — Это южная часть Азербайджана, Кура-Аракская низменность, равнины Миль и Мугань. Недалеко — посёлок городского типа Бирмай. В переводе на русский — Первое Мая. Живёт там чуть больше четырёх тысяч человек. Посёлок стоит на левом берегу реки Аракс, она же Араз. В 1959 году на ней построили гидроузел: его каналы снабжают водой сразу три района — Ишимлинский, Сабирабадский и Билясуварский. Рядом — Бахрамтепенское водохранилище. В двух километрах к северо-западу — мельница, её относят к IX–XIII векам. А в семнадцати километ-

рах от дороги Бахрамтепе — Билясувар — руины Галаджи, XII–XIII века. Железнодорожная ветка соединяется с линией Баку — Ереван.

Сначала маленькому Салману эти сведения казались скучными и ненужными. Но когда отец вновь и вновь, терпеливо и настойчиво, буквально вдавливал их в детскую голову, мальчик постепенно понял: это не просто география. Это его история.

Наверное, именно поэтому, став почти взрослым, Салман целенаправленно искал в Википедии информацию о месте своего рождения. Оказалось, в 1992 году посёлок переименовали в Бахрамтепе. Почему и для чего — местным жителям было неизвестно. «Так постановило начальство», — говорили они, пожимая плечами. Но было ясно: это решение как-то связано с тем, как огромная империя под названием СССР рассыпалась на отдельные государства. Салман понимал: рушится не название, рушится целый мир, к которому он привык. Детские воспоминания... Они живут в нас тихо, но крепко. Салман потом не раз говорил мне: «Знаешь, сначала я злился на отца за эти бесконечные уроки географии. А потом понял: он не про реки и каналы мне рассказывал. Он про дом мне рассказывал». Я слушал его и думал: как же точно отец всё в него вложил. Не сухие факты, а чувство места. Чтобы, куда бы жизнь ни забросила, он всегда знал, откуда он родом.

Когда Салману исполнилось семь, родители отдали его в местную школу. Учился он, как и все его братья и сёстры, на русском языке — и это сразу стало серьёзным испытанием. Для мальчишки, чей родной язык был другим, каждая фраза учителя звучала, будто на чужом наречии. Очень скоро тройка сделалась его «любимой» оценкой. Но при этом среди сверстников Салман выделялся природной сообразительностью и удивительным чувством юмора. Именно оно помогло ему ладить почти со всеми — даже с теми, кто поначалу смотрел косо. Однажды зимой, после уроков, Салман спросил у отца:

— Папа, а почему мы учимся на русском, а не на азербайджанском?

(Характерная деталь: по местной традиции дети ставили ударение на втором слоге — не «папа», а «папа», и в этом едва уловимом отличии слышалась своя, особая почтительность.)

Асим помолчал немного, будто подбирая слова, и ответил:

— Салман, рано или поздно нам придётся переехать в Россию. Поэтому ты должен хорошо знать русский язык.

— А зачем нам переезжать? У нас тут большой хороший дом, у меня друзья... — не сдавался мальчик.

— Из-за здоровья твоей мамы. Ей не подходит здешний климат. Раньше она жила в России.

Салман на секунду задумался, а потом снова пошёл в наступление:

— Папа, расскажи, как ты с ней познакомился?

Асим всегда немного смущался, когда дети спрашивали про такие вещи. Вот и сейчас он загадочно улыбнулся и молчал, наверное, минуты три, а то и пять. Потом достал из кармана пачку любимых болгарских сигарет «Родопи», неторопливо вытащил одну и закурил. И тут же неловко отвёл рукой синеватую струйку дыма — так, чтобы она не тянулась в сторону сына. В комнате повисла тишина. Салману показалось, что на глазах у отца блеснули слёзы. А Асим, глубоко вдохнув, наконец, заговорил:

— Ваша мама не азербайджанка. До замужества её звали Елдам Шалимова. В ней течёт и иранская, и татарская кровь...

Он снова замолчал, будто слова давались ему тяжело. Салман сидел, не шевелясь, и ждал.

Отец ещё несколько раз глубоко затянулся, словно черпая

в этом дыме силы, чтобы продолжить.

— Познакомился я с ней в Костроме — красивом городе на Волге. В пятьдесят седьмом меня призвали в армию. Мне, тогда только-только исполнилось восемнадцать. Служил я как раз там, где жила ваша мама. Из-за неё я и остался потом на контрактную службу. Елдам тогда жила с матерью на улице Михалёвской, в небольшом частном доме. Где-то в шестьдесят четвёртом я был в увольнительной и шёл по набережной...

Отец снова замер, будто заново видел перед собой ту самую набережную, тот вечер, ту девушку.

Салман уже не мог терпеть:

— Папа, ну что дальше? Расскажи!

Асим тихо улыбнулся, будто стряхивая с себя воспоминания, и продолжил:

— Там я её и встретил. Красавица, которая с первой встречи запала мне в душу. Я никогда не был наглым, подойти, сразу не решился. Но в следующие дни, когда меня отпускали из части, меня снова и снова тянуло на ту набережную. И каждый раз я её там встречал.

— Ну и что? Что было потом? — нетерпеливо выдохнул Салман.

Асим задумался, и на лице его появилась та самая хитрая, почти мальчишеская улыбка. Он аккуратно затушил сигарету в старой алюминиевой пепельнице, будто ставя точку в неловкости, и сказал:

— Потом, сынок, мы стали встречаться всё чаще и чаще. И вскоре полюбили друг друга. Было такое чувство, будто мы давным-давно знакомы. Какое-то родство душ.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и добавил уже спокойнее:

— Вскоре мы поженились. Как раз подошёл к концу мой контракт, и я уговорил её переехать в Азербайджан. Меня тянуло на Родину. А Родина — это не пустой звук. Любой нормальный человек её любит.

Он чуть наклонил голову, будто проверяя, слушает ли сын, и продолжил, уже твёрже:

— Вот почему я читал вам ту старую энциклопедию. Хотел, чтобы и вы полюбили эти места, запомнили их на всю жизнь. Да и жили мы тогда в Костроме в маленьком дере-

вянном доме вашей бабушки — всего одна комната. А я хотел иметь много детей и свой большой дом. Чтобы у каждого было своё место.

Асим снова прервал рассказ. Сидя за кухонным столом, он неторопливо достал ещё одну любимую сигарету, но, словно спохватившись — ведь это уже третья, — зачем-то постучал ею по столешнице и убрал обратно в пачку. И всё равно дым успел расползтись по кухне, густой и терпкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.